

My body is a cage that keeps me
From dancing with the one
I love But my mind holds the key*.

— *Sara Lov, «My Body Is a Cage»*

— Если бы мы с вами были птицы — как бы мы взвились, как бы полетели... Так бы и утонули в этой синеве... Но мы не птицы.

— А крылья могут у нас вырасти, — возразил я.

— Как?

— Поживите — узнаете. Есть чувства, которые поднимают нас от земли. Не беспокойтесь, у вас будут крылья.

— *И. С. Тургенев, «Ася»*

* Мое тело — клетка, не позволяющая мне
Танцевать с тем, кого я люблю.
Но мой разум держит ключ (*англ.*).

1

ПЕРЕМЕЩЕНИЕ

«Не нервничать, не испытывать боль, страх и стресс» — каждое мое утро начинается с этой мантры. Вещью номер один в моей жизни стал пузырек с успокоительным. Я уже почти привыкла к своей болезни.

Меня зовут Лика. Мне семнадцать. И я до сих пор помню тот день, когда меня в первый раз «выбросило»...

Лето 2011 года выдалось на редкость жарким. Мой город превратился в филиал ада на Земле: едкий раскаленный воздух, сочащийся смолой асфальт, красные люди с обгоревшими лицами. Машины и те, казалось, ползали по улицам медленно, как отравленные мухи.

Но мне повезло сбежать из адской духовки в тропический оазис. Всего неделю назад я устроилась работать в цветочный магазин. Я никогда не интересовалась ботаникой, флористикой, искусством упаковки и продаж, так что не сразу смогла представить себя в должности продавщицы в цветочном магазине... Но Ольга, владельца магазина, была приятельницей моей мачехи. Это раз. Мне предложили неплохую зарплату и расчет каждую неделю. Это два. Ну и три: я могла находиться среди буйной зелени с утра до вечера, и пусть там снаружи

хоть градусники трескаются. Куда лучше, чем жарить картошку в «Макдональдсе»!

Мне сразу пришлось по душе все эти бутоны, сочные стебли, разноцветные рулоны упаковочной бумаги, все эти счастливые покупатели, предвкушающие праздник. Вот заскочил молодой парень и потребовал три порочно-красные розы. Наверно, он влюблен по уши... Интересно, они уже целовались или еще нет?

А вот зашли две нарядные дамы почтенного возраста. «Да-да, конечно, у нас есть камелии!» — подмигнула я, как будто торгую камелиями с пеленок. Ни за что бы не призналась, что всего три дня назад не смогла бы отличить камелию от пиона. Я представила старомодную вечеринку с букетами в плетеных корзинках, музыкой семидесятых и роскошным чаепитием. Будут миндальное печенье и черничное варенье в стеклянных вазочках! Ведь дамы в шляпках не пьют водку и не танцуют босиком на столах?

— Лика, что бы я без тебя делала? — прошептала мне Ольга, провожая взглядом довольных посетительниц.

Она мне льстит. Я уверена, что мне можно найти замену в два счета. На этой земле полно таких девушек, как я: не слишком уверенных в себе, но всегда готовых прийти на помощь. Девушек со средним ростом, средним весом и весьма усредненным размером ноги. С темно-каштановыми волосами и глазами цвета мокрого асфальта. Звучит не слишком романтично, зато в точку.

— Лика, можешь уйти сегодня пораньше! — прокричала мне Ольга из подсобки.

— Это еще почему? — спросила я.

— Потому что пятница!

Стыдно признаться, но я не планировала ничего особенного даже на такое священное время, как пятничный вечер. У меня не было ухажера, и я без энтузиазма

относилась к ночным клубам. Я собиралась провести остаток дня дома в компании книжки и тарелки печенья. Анна, моя мачеха, знает триста пятьдесят рецептов печенья. А я люблю его есть. Может быть, поэтому мы отличная команда.

— Ах да! Пятница! Совсем забыла. — Я театрально хлопнула себя по лбу. — Спасибо, Оль... У меня как раз грандиозные планы на сегодняшний вечер.

— Свидание? — промурлыкала Ольга. — Кто этот счастливчик?

«Гарри Поттер».

Я решила дожидаться еще одного покупателя, а потом с чистой совестью сбежать домой. Звякнул колокольчик над дверью. Очередной посетитель, мальчишка лет десяти, вытащил из ведерка пышную хризантему, уверенно подошел к прилавку и сунул мне мятый полтинник.

— Девочке? — улыбнулась я.

— Нет, бабушке, — серьезно ответил он.

— Ей понравится, — заверила я его, заворачивая цветок в слой целлофана и едва сдерживаясь, чтоб не потрепать его по волосам.

— Даже не знаю. Она на кладбище вообще-то, — пожал плечами он. — Уже год как.

Я прикусила язык и протянула ему сдачу.

— Классный, — кивнул он, когда я наклонилась к нему через прилавок.

— Что, прости? — переспросила я.

— Классный кулон. — Он указал на серебристого ангела с распростертыми крыльями, болтающегося на моей цепочке. — Талисман?

— Вроде того.

— И как, защищает?

— Еще как. Однажды я воткнула его в глаз плохому парню.

Мальчишка рассмеялся, но его смех вдруг заглушила лавина пронзительного звона: где-то недалеко только что вдребезги разлетелась витрина. Сгорая от любопытства, он рванул к двери и высунул голову наружу, а когда повернулся ко мне снова, то был белым как мел и едва не охрип от испуга:

— Готовьте свой талисман! А лучше бегите!

И он исчез за дверью, унося ноги от какой-то неведомой опасности. Едва дверь захлопнулась, ужасный звон раздался вновь.

— Что там такое? — Ольга вышла из подсобки с ведерком ирисов.

Я подбежала к витрине и прижалась лбом к стеклу, пытаюсь рассмотреть происходящее на улице, и в этот момент...

Два силуэта по ту сторону появились так внезапно, как умеют появляться только призраки. И убийцы. И если бы мне дали еще минуту, то я успела бы отступить, убежать, спрятаться, — но этой лишней минуты мне не дали. Чья-то рука подняла битую и обрушила ее на стекло...

* * *

Ольга закричала. Этот крик потом долго преследовал меня по ночам. Все остальное — как в тумане. Как будто меня окунули в таз с водой и все звуки остались где-то далеко, над поверхностью.

Витрина просто взорвалась от мощного удара. Меня осыпало осколками. Я свалилась на пол, проехавшись ладонями и коленками по стеклянной каше. Жаркое лето не оставило мне ни единого шанса: на мне не было никакой мало-мальски серьезной одежды, которая защитила бы тело от лавины осколков, — ни куртки, ни штанов, ни кроссовок, — только легкий белый сарафан на бретельках и вьетнамки на тонкой подошве.

Я попыталась встать, опираясь на локти и вытянув перед собой две окровавленные ладони. А потом услышала голос. Всего несколько слов, но они намертво врезались в мою память.

— *Крови много не бывает.*

Тот, кто их произнес, был молод, лет двадцати, не больше. Я не посмела заглянуть ему в лицо. Все, что запомнила, — черная одежда и ботинки с истертыми от ударов носками. Я все еще стояла на четвереньках, от ужаса не чувствуя, как осколки обжигают колени, когда этот огромный ботинок поддел меня под ребра, как какую-нибудь собачку, и отбросил к стене. Потом я узнала, что этот пинок стоил мне двух сломанных ребер.

Двое других были похожи на цепных псов, сорвавшихся с привязи: они прошлись по полкам битой — той самой, от которой разлетелась витрина, — смели на пол охапки свежих цветов, облили все керосином из пластиковой бутылки и подожгли... На мое счастье, они очень спешили. Я боюсь думать о том, где я была бы сейчас, если бы у них было хотя бы полчаса лишнего времени.

Я сидела на полу и тарасилась на свое белое платье, на котором расцветали алые, как маки, пятна. «Я ранена. Это моя кровь. Такая алая. Все розы мира должны увянуть от зависти», — почему-то подумала я. У меня не получалось встать. Боль в боку мешала дышать. Я кое-как вытащила самые крупные куски стекла из ладоней и икр и, движимая тем самым инстинктом, который заставляет жука залезать в щель, а мышь в норку, поползла к прилавку.

Ольга больше не кричала. Трещали и плавилась жалюзи на окнах, полыхали рулоны оберточной бумаги, пол был покрыт зеленой кашей из раздавленных цветов. С улицы неслись визги, вой сирен, звон рассыпающихся